

Путешествие Баурджеда

Автор:

Иван Ефремов

Путешествие Баурджеда

Иван Антонович Ефремов

Великая Дуга #1

«Над низкими глинобитными оградами взвились клубы пыли, слышались пронзительные крики. Что-то случилось в лабиринте узких улиц, у самой пристани города Белых Стен. – столицы Черной Земли, страны Та-Кем. Уахенеб – кормчий царского казначея – стремительно поднялся и стал всматриваться в сторону города, откуда доносился тревожный шум. Сидевшие рядом гости не двинулись, даже не оглянулись на происходившее за стенами маленького сада...»

Иван Ефремов

Путешествие Баурджеда

Глава 1

Завещание Джосера

Над низкими глинобитными оградами взвились клубы пыли, слышались пронзительные крики. Что-то случилось в лабиринте узких улиц, у самой пристани города Белых Стен.[1 - Белая Стена (Мемфи с) – столица Египта в Древнем царстве.] – столицы Черной Земли, страны Та-Кем[2 - Та-Кем – Черная

Земля. В просторечии Кем или Кемт – «черная». Так называли древние египтяне свою страну.]

Уахенеб – кормчий царского казначея – стремительно поднялся и стал всматриваться в сторону города, откуда доносился тревожный шум. Сидевшие рядом гости не двинулись, даже не оглянулись на происходившее за стенами маленького сада.

– Что происходит там? – нетерпеливо спросил кормчий, пытаясь заглянуть в потупившиеся лица друзей.

– Вестники Великого Дома[3 - Великий Дом – иносказательное наименование царя (пер-о), откуда пошло древнееврейское «фараон».] ловят преступника... – неохотно ответил седовласый тесть Уахенеба.

– Но шум около дома Антефа, моего друга и друга детей моих! – с беспокойством воскликнул кормчий.

– Ловят самого Антефа, – вмешался молодой сосед. – Мы знаем, что за ним приходили вестники нашей окраины.

– Как! Ловят Антефа, а вы сидите, словно идет погоня за антилопой? – негодуяще вскрикнул Уахенеб. – Этот человек не может быть преступником! Кто не знает корабельного плотника Антефа!

Кормчий негодуяще оглянулся на неподвижные фигуры своих гостей и выскочил на улицу, а за ним оба его юных сына, такие же высокие и плечистые, как отец. К ним присоединились и корабельные ученики Уахенеба, находившиеся в числе гостей.

– Уахенеб слишком много времени проводит в плаваниях и еще не знает, как свирепствуют сейчас посланцы фараона... – тихо сказал тесть кормчего.

– Если не научится быть покорным, то скоро его поволокут, закованного, в каменоломни! – угрюмо проворчал худой кузнец.

– Стыдно тебе, говорящему худое, – вмешалась жена кормчего. – Мой Уахенеб умен и испытан в опасностях. Его любит и сам казначей бога Баурджед...

– Любит, как крокодил антилопу, – бурчал упрямый кузнец, – пока у его лучшего кормчего все хорошо. Но стоит только Уахенебу оступиться – кто защитит его? Кто посмеет выступить против повеления Великого Дома?..

Крики приблизились к воротам сада, и жена кормчего тревожно выглянула на улицу.

Слева, в конце узкого прохода между однообразными оградами из серого речного ила, показался одинокий беглец. Он опередил на два десятка локтей [4 - Локоть – основная древняя мера длины, равная приблизительно 0,5 метра.] своих преследователей, во главе которых неслись, словно гончие собаки, два полуобнаженных человека, в пестрых поясах вестников фараона, вооруженные кинжалами и тяжелыми палками. За вестниками бежал всякий сброд: бездельники – сыновья пристанских чиновников, погонщики ослов и случайные прохожие, обрадовавшиеся перемене в однообразии неторопливой жизни. Все вопили и визжали, будто увидели «отвращающего лицо» – злого духа пустыни или подземное чудовище древних преданий.

Беглец не походил ни на злодея, ни на чудовище. Его измученное лицо в разводах грязи, глаза, расширенные и полные отчаяния, могли вызвать только жалость и негодование в каждом, кто знал этого человека.

Беглец приблизился к Уахенебу.

– Антеф! – негромко окликнул его кормчий и продолжал скороговоркой: – Беги улицей Гребцов налево, повернешь у сада богини к складу товаров, доставленных нами... Скажи сторожу – я велел, и он укроет тебя среди тюков. Там жди ночи... Беги и не оглядывайся.

Антеф поравнялся с Уахенебом. Преследователи почти настигли свою жертву. Кормчий закричал и ринулся прямо на Антефа.

Наблюдавшая из сада женщина вскрикнула от негодования. Но когда ее сыновья и трое из учеников мужа кучей бросились вслед Уахенебу, столкнулись с преследователями и свалились в густую пыль, она поняла, что Уахенеб

и молодежь действуют по уговору.

Антеф исчез за углом, а молодые люди продолжали удерживать преследователей с криками: «Поймали, поймали!..»

Бежавшая позади вестников толпа остановилась в недоумении. Наиболее азартные приняли участие в свалке, и пыль совершенно закрыла все происходящее на улице. Вестникам фараона не скоро удалось разобраться в сумятице и освободиться от рук своих усердных помощников. Но когда выяснилось, что беглец избежал поимки, то старший вестник подскочил к Уахенебу с угрозами:

– Как смел ты, старый бегемот, вмешиваться в дело Великого Дома? Твое глупое усердие и неловкость твоих щенков привели к тому, что преступный Антеф убежал от законного возмездия. Но кара не минует злодея, тебе же придется держать ответ перед начальником. Пойдем. – И вестник положил грязную, исцарапанную руку на плечо Уахенеба.

Тот резким движением сбросил руку представителя власти.

– Я не виноват... я старался помочь тебе и сам не знаю, как вышло, что преступник ускользнул. Но мне нельзя идти с тобой – казначей бога приказал мне прийти сегодня вечером, я не могу ослушаться повеления... Где я живу, ты знаешь, – спокойно добавил Уахенеб.

Кормчий солгал, но расчет его оказался верным.

Вестник нахмурился и огляделся в раздумье. Плечо к плечу с кормчим стояли сильные юноши, на лицах которых читалась твердая решимость не уступить никому. Толпа, только что объединявшаяся яростным преследованием, разбилась на группы. Люди выжидали в молчании, не проявляя никакого сочувствия вестникам, терпевшим очевидное поражение.

Бормоча проклятия, вестники удалились вслед скрывшемуся Антефу. Кормчий с помощниками вернулся в сад. Молодежь дала волю смеху, горячо обсуждая случившееся и вспоминая, как грохнулся под ноги вестникам фараона старший сын Уахенеба. Встревоженные гости скоро разошлись; участники побоища отправились к реке смывать пыль. Уахенеб сидел в раздумье до темноты, потом

встал, захватил приготовленный женой мешок с пищей и вышел в непроглядную тьму.

Ни одного огонька не было видно в домиках пристанского предместья. Жечь масло или жир в светильниках было дорого, да и проводимый в труде день был слишком длинен, чтобы люди засиживались в своих домах после наступления темноты. Только неутомимая молодежь, таясь от старших, собиралась у маленького храма. Из темноты доносились тихие разговоры, легкие шаги босых ног...

Кормчий быстро добрался до склада, побеседовал с Антефом, возвратился домой и молча взобрался на плоскую крышу дома, где все его семейство спасалось от духоты и насекомых и лежало в ряд на жестких циновках из папируса.

– Удалось тебе? – прошептала жена, когда кормчий улегся с тяжелым вздохом усталого и печального человека.

– Антеф в безопасности, – помолчав, ответил Уахенеб. – Он знает тайное место на краю западной пустыни, в городе мертвых. Там спрячется он... пока не отчалит снова мой корабль. Но это малое дело... – Кормчий угрюмо умолк.

– Что же еще плохо, во имя священной девятки?[5 - Священная девятка – девять главных богов Египта.] – с беспокойством спросила жена.

– Плохо все... плоха наша жизнь, трепещущая перед людьми Великого Дома, перед посланными жрецов. Они гнут ее, как ветер пустыни гнет тонкий стебель тростинки, как сгибает раба кнут надсмотрщика!

– Разве это ново для тебя? – удивилась жена.

– Нет нового в этом, но почему плохое должно длиться вечно? Неужели никогда не наступит хорошее? Еще совсем недавно, когда ты носила нашего младшего сына,[6 - Имена детей не называли во избежание «сглаза».] фараон – строитель великой пирамиды,[7 - Имя фараона запрещалось называть по тем же соображениям.] – обрек нас, простых неджесов и роме[8 - Неджес – «маленький»; название свободного жителя Египта; роме – египтянин.] на голод и разорение. Если бы не добыл я пищи и золота в опасном плавании в страны Зеленого моря,[9 - Так называлось у египтян Средиземное море.] может,

не осталось бы в живых никого из наших братьев и сестер. Но великая пирамида построена, фараон отошел в вечность, а разве жить стало легче? По-прежнему требуют с нас непосильной работы, бьют и отдают в рабство за недоимки. Множество чиновников смотрит за нашими путями, записывает каждую меру собранных плодов, каждого журавля[10 - Журавли приручались и разводились в Древнем Египте.] и еще не родившегося детеныша антилопы...

- Ты был в разных странах. Неужели и там так тяжела жизнь?

- Плохо везде, где есть бедность. Я не видел страны, в которой бы не было бедняков, мучимых страхом, болезнями и голодом. И я не видел страны лучше нашей Кемт. Только здесь земля так плодородна, только здесь не свирепствуют ветры, сокрушительные ливни. Страна защищена пустынями от набегов хищных соседей. Прекрасны наше вечно ясное небо, могучая река - источник жизни, богатые сады и поля. Все мы любим нашу Кемт, и всем нам плохо жить тут!

- С детства я любила сказки о Стране духов - волшебном Пунте.[11 - Пунт - легендарная страна, богатая золотом и благовониями, по представлениям египтян, находившаяся у истоков Нила, в Стране Духов - Та-Нутер. Позднее, когда египтяне стали плавать далеко на юг, страны, открытые ими на восточном побережье Африки, южнее Сомали, получили название Пунта.] Вот там хорошая жизнь, там люди, похожие на нас, роме, живут подобно духам полей Иалу.[12 - Поля Иалу - в представлениях египтян о загробном мире соответствуют нашему раю.]

- Никто не видел Пунта, безмерно далек он от нас и недостижим смертному, - неохотно ответил Уахенеб. - Плохо, что нет защиты для нас в родной нам Черной Земле. Надо спасать друзей, а они спасут нас... так, - твердо решил кормчий. - Слушай, ты еще не знаешь всего о несчастье Антефа. Он тяжело поранил себя теслом и не мог работать пять времен года.[13 - Пять времен года - приблизительно полтора года. У египтян год делится на три времени.] Дом его стоит на земле храма Хнума...[14 - Хнум - один из главных богов, изображавшийся с бараньей головой.] Антеф задолжал начальнику мастеров,[15 - Начальник мастеров - титул главного жреца.] не уплатил долга, и жрец захотел взять в храм его дочь.

- Как, ясноглазую То-Мери? - воскликнула жена.

– Тише. Да, ее. Она красива, и жрец может продать ее с выгодой в храм Нейт или... оставить рабыней у себя. Рабы храма под начальством младшего жреца ворвались в дом Антефа, избили его и жену и увели дочь, Антеф побежал сказать вестникам...

– Зачем? – удивилась жена.

– Теперь я тоже скажу: зачем? – ответил кормчий. – За один вечер я стал умнее на десять лет...

– Антеф так любил свою То-Мери!

– Потому и сделался гонимым подобно робкой антилопе. Дом его без хозяина и отца, жена и дети оплакивают его как умершего. Пойди к ним на рассвете и скажи тайное утешение. А я... – Уахенб умолк.

– Я слушаю тебя!

– Антеф сделал то, что должен был сделать отец и мужчина. Он проник в храм Хнума в поисках дочери, проследил, что она заперта в кладовой дома начальника мастеров, и, пытаясь освободить То-Мери, напал на жреца...

– И...

– И едва спасся из храма. Вернулся в дом свой в великом горе и напрасно размышлял, придумывая, как спасти дочь. Вестники объявили его врагом города... Остальное ты знаешь.

– Ты задумал опасное дело, господин мой, – сказала жена, поняв затаенные думы кормчего.

– Не опасайся, я сумею исполнить это, не привлекая внимания чиновников Великого Дома. Я почти гость здесь – так редко приходится бывать мне дома, за мной нет записей и глаз... Если хочешь помочь мне, пойди скорее в дом, где живут мои ученики Ахавер и Нехеб-ка, разбуди их. Скажи, что я заболел и зову.

– У нас в саду спит сегодня тот – большой и темнокожий, твой мастер паруса...[16 - Мастер паруса – моряк, управлявший единственным парусом египетского корабля.]

– А, большой Нехси здесь? Это помощь от богов... Я разбужу его!..

Проснувшиеся сыновья Уахенеба стали умолять отца позволить им тоже идти на таинственное дело. Но кормчий оказался неумолимым.

Во тьме и тишине четыре человека выскользнули на улицу и молча направились к храму Хнума, стоявшему среди большого сада, на возвышенном участке берега. Уахенеб обладал хорошей зрительной памятью и навсегда запоминал те места, в которых ему приходилось бывать. Теперь он уверенно обошел главный вход, в глубине которого мерцал слабый огонь двух светильников, и приблизился к небольшим воротам, ведущим во внутренний двор около дома главного жреца.

– Теперь ты, Ахавер, и ты, Нехеб-ка, по сигналу Нехси начинайте драку у ворот, бросайте камнями, выкрикивайте проклятия... Когда раздастся вопль шакала, убегайте, но сначала в верхнюю улицу, чтобы спутать мысли врагов, потом бегите к реке. Мы будем ждать в лодке за Кедровой Пристанью...

Все последующее произошло быстро: крики Ахавера, грубая брань Нехеб-ка, грохот камней о доски ворот, неистовый лай собак главного жреца, кинувшихся к ограде. Замелькали факелы в руках младших жрецов, которые спали в храме и теперь выскочили на шум.

Мрак во внутреннем дворе казался особенно непроглядным. Большой Нехси, увлекаемый за руку Уахенебом, быстро добрался до крепкой двери в низкой кубической постройке из плотной, затвердевшей на жарком солнце глины. Дверь быстро уступила огромной силе моряка. В душной тьме помещения царило молчание.

– То-Мери, где ты? Я Уахенеб, друг твоего отца, ты знаешь меня. Выходи скорей!

В глубине кладовой раздался слабый крик.

Уахенеб устремился внутрь, вытянув вперед руки. Его ладонь коснулась плеча девушки. Кормчий провел рукой по лицу и волосам То-Мери, чтобы успокоить девушку, и нащупал твердый ремень бегемотовой кожи, прикрепленный к металлическому ошейнику, замкнутому на тонкой девичьей шее.

– Я привязана, – прошептала То-Мери.

Кормчий дернул изо всех сил, но ремень был крепок. Медлить далее было нельзя: там, у ворот, жрецы могли опомниться и схватить Ахавера с его другом, а собаки – почуять присутствие чужих во дворе.

– Нехси, скорее! – позвал Уахенеб.

Гигант потянул, и прочная кожа в два пальца толщиной разорвалась.

Нехси бросил легкую То-Мери себе на плечо и побежал за Уахенебом. Они перелезли через изгородь там, где двор граничил с садом. Пронзительный вопль шакала пронесся в темноте, повторился раз, другой, третий...

Ахавер и Нехеб-ка катались по земле, браня друг друга и осыпая ударами. Услышав сигнал, они вскочили на ноги.

Жрецы, домовые рабы и сам главный жрец столпились вокруг них с факелами, наблюдая за дерущимися со злорадством и негодованием. За воротами неистовствовали свирепые собаки. Внезапно оба юноши повернулись и бросились вверх по улице. Они бежали рядом изо всех сил, и быстрые ноги унесли их далеко от растерявшихся жрецов. Ахавер и Нехеб-ка пробежали четыре квартала и, не услышав погони, свернули в поперечный переулок. Они долго неслись вдоль реки, пока решились спуститься к берегу, и подошли к Кедровой Пристани с другой стороны.

Лодка отплыла беззвучно, весла искусных гребцов гнали ее с возрастающей скоростью. Там, где находился храм Хнума, мелькали огни факелов.

Ахавер и Нехеб-ка торжествующе засмеялись.

– Гребите, гребите! – весело сказал кормчий. – Путь далек, скоро рассвет... – И сильным толчком кормового весла Уахенеб прибавил ходу лодке.

Некси заставил сидевшую на дне лодки девушку опереться спиной на его колени и старался разогнуть запор ее ошейника, путаясь в массе густых вьющихся волос. Ошейник был заперт на толстый бронзовый крючок.

Лодка удалилась на шесть тысяч локтей от города Белых Стен и плыла вдоль ненаселенного западного берега великой реки. Позади осталась гигантская пирамида и город мертвых для знати и богатых, примыкавший к северной стороне пирамиды. Мрак рассеивался, гладь реки заблестела тускло и неприветливо.

Мастеру паруса наконец удалось справиться с крючком. Ошейник раскрылся, и Нехси швырнул его далеко на середину реки.

Все сидевшие в лодке следили за его полетом. С легким всплеском орудие унижения и плена навсегда погрузилось на дно реки. И в тот же миг за восточной пустыней поднялся краешек солнца, яркие лучи алого света загорелись на реке в том месте, где потонул ошейник.

– Утопить бы так все, что гнетет нас! – задумчиво сказал Уахенеб, выразив этим неясные стремления своих спутников.

Лодка причалила у двух одиноко росших пальм.

В сотне локтей от берега, в пределах высокой бесплодной равнины, расположился город мертвых простых роме. Здесь не было ничего похожего на массивные каменные или кирпичные гробницы знатных людей, только бесчисленные ряды маленьких холмиков отмечали места, где хранились останки отошедших в западные края.

– Неужели Антеф не боится оставаться здесь в ночные часы? – удивился большой Нехси.

– О, мне пришлось один раз быть здесь поздно вечером, – отозвался Нехеб-ка. – Выли шакалы, хохотали гиены, страшные птицы ночи летали над головой. Вдали

ревел лев, глухим плеском отзывались в реке крокодилы, – мне показалось, что стонет земля, наполненная умершими. Я едва удерживал свое сердце от бегства...

– Антеф не здесь, он скрывается в древнем подземелье, близко от берега. Если каждому из нас придется выбрать между позорной смертью и страхом перед отошедшими, – я думаю, что он меньше убоится мертвых, – спокойно сказал Уахенеб. – От мертвых еще никто не погиб. Здесь давно живет старый сторож с семьей, и все от мала до велика здоровы и целы. У нас, бедняков, не знающих вещей,[17 - Не знающий вещей – египетский термин, означавший бедняков.] тут нет ничего – ни таинственных гробниц, ни подземелий. Про город мертвых для знатных рассказывают страшные предания... А может быть, для того, чтобы... никто не смел трогать вещи, хранящиеся в богатых гробницах? – Кормчий тихо рассмеялся, а его спутники посмотрели на него с удивлением.

– Мы будем здесь жить? – тихо спросила девушка, устремив на Уахенеба глаза, еще полные грусти.

– Вовсе нет! – рассмеялся кормчий. – Тебя завтра возьмет на корабль мой верный друг, кормчий Саанахт. Ты будешь жить в Дельте, у моих родных, пока не повернется лицо богов...

– А отец?

– Антефа нельзя отослать с тобой. Я возьму его на свой корабль тайно, в день отплытия. Нам не дадут много отдохнуть – скоро пойдем мы опять за кедром для храмов на Великое Зеленое море...

В доме Уахенеба вновь собрались гости – кормчий решил отпраздновать спасение Антефа и его дочери, не объясняя никому причины торжества. Опустели два кувшина вина, громадный глиняный сосуд с пивом. У захмелевших людей развязались языки, всё смелее становились выкрики и взволнованные речи о несправедливости жизни в Та-Кем, о том, что жрецы обманывают бедняков, что государство не жалеет своих подданных.

– Рабы у богатых и во дворцах живут лучше, чем мы! – воскликнул тот же хмурый кузнец, который угрожал Уахенебу каменоломнями в прошлый раз.

Кормчий поднял руку:

– Слушайте сказку о стране счастья!

Низенький старик с круглой лысой головой говорил о трудности жизни без просвета и защиты.

Гости стали кивать головами, соглашаясь.

Сказка описывала чудесную страну Пунт, Страну духов счастья. Никто не согнут страхом и голодом, золото сверкает в речных песках, деревья отягощены чудесными плодами, благовонные смолы текут по стволам, прекрасные девушки дарят всех ласковыми улыбками. Все равно сыты, нет тяжелых работ и свирепых зверей...

– Там, там! За восточной пустыней, за Лазурными Водами, [18 - Лазурные Воды – Красное море.] в безмерной дали!

Старик вскочил, указывая на восток; поднялись и все гости, всматриваясь в пыльную мглу над восточными холмами, точно стараясь сквозь нее разглядеть призрачное видение чудесной страны...

– Никто, никто, кроме могучих людей-богов древности, не достигал пределов Пунта!

– Недоступна, прекрасна желанная страна, отрада смертных, живущих там наравне с духами, похожих на нас, детей Черной Земли!..

Внезапно раздались удары палки в калитку сада. Громкий деревянный стук оборвал сказку; люди насторожились, воцарилось молчание, полное опасений. Угрюмый человек, морщинистый и суровый, подошел к кормчему. Уахенеб подждал его с затвердевшим, как у статуи, лицом.

– Мой и твой господин, казначей бога Баурджед, велит тебе прийти завтра, после дневного сна! – громко, не допускающим возражений тоном сказал посланный, и Уахенеб перевел дыхание. Зов казначея еще не был бедой.

Пестрые занавеси в оконных просветах колыхались под легким ветерком. По коричневой полированной поверхности деревянных колонн пробегали слабые блики света. В комнату, тяжело ступая, вошел великий властитель, молодой фараон Джедефра.[19 - Джедефра – фараон IV династии Древнего царства (2877–2869 гг. до н. э.).] Следом за ним спешили два человека с золотыми нагрудными знаками. Они с привычной ловкостью расprostерлись на полу перед фараоном. Нетерпеливое движение руки Джедефра заставило их встать. Один, высокий и худой, носивший звание хранителя царских сандалий, снял с ног фараона сандалии из позолоченной кожи. Другой, смотритель ларца с притираниями, осторожно освободил Джедефра от тяжелого парика, прикрытого полосатым головным платком и пшентом,[20 - Пшент – двойная корона египетского царя.] и снял футляр, заменявший бороду. Фараон с облегчением провел ладонью по гладко выбритой голове.

Вельможи удалились. Джедефра сбросил длинную белую одежду из серебристого льна, выделанного так тонко, что ткань просвечивала. Он остался в короткой рубашке, перетянутой голубым поясом с тяжелыми синими лентами на золотых пряжках.

Фараон устало потянулся. Нелегко было соблюдать каменную неподвижность поз, требуемых ритуалом при публичных появлениях.

Сухое, жесткое лицо Джедефра было хмурым и сосредоточенным. Он медленно подошел к окну, выходившему на запад, и слегка отодвинул плотный занавес.

В прозрачном воздухе под густой синевой чистого неба предстал перед Джедефра предел его страны. Дворец фараона стоял на невысоком холме, близ которого плодородная темная земля Нильской долины резко граничила с красновато-желтой пустыней. Вдали отчетливо вырисовывались изгибы огромных песчаных бугров. Там пески, поднимающиеся горами по пятьсот локтей вышиной, пылают под знойным небом, как гигантский костер, преграждающий живым путь в страну запада, царство ушедших, обителище мертвых...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Белая Стена (Мемфи с) – столица Египта в Древнем царстве.

2

Та-Кем – Черная Земля. В просторечии Кем или Кемт – «черная». Так называли древние египтяне свою страну.

3

Великий Дом – иносказательное наименование царя (пер-о), откуда пошло древнееврейское «фараон».

4

Локоть – основная древняя мера длины, равная приблизительно 0,5 метра.

5

Священная девятка – девять главных богов Египта.

6

Имена детей не называли во избежание «сглаза».

7

Имя фараона запрещалось называть по тем же соображениям.

8

Неджес – «маленький»; название свободного жителя Египта; роме – египтянин.

9

Так называлось у египтян Средиземное море.

10

Журавли приручались и разводились в Древнем Египте.

11

Пунт – легендарная страна, богатая золотом и благовониями, по представлениям египтян, находившаяся у истоков Нила, в Стране Духов – Та-Нутер. Позднее, когда египтяне стали плавать далеко на юг, страны, открытые ими на восточном побережье Африки, южнее Сомали, получили название Пунта.

12

Поля Иалу – в представлениях египтян о загробном мире соответствуют нашему раю.

13

Пять времен года – приблизительно полтора года. У египтян год делится на три времени.

14

Хнум – один из главных богов, изображавшийся с бараньей головой.

15

Начальник мастеров – титул главного жреца.

16

Мастер паруса – моряк, управлявший единственным парусом египетского корабля.

17

Не знающий вещей – египетский термин, означавший бедняков.

18

Лазурные Воды – Красное море.

19

Джедефра – фараон IV династии Древнего царства (2877–2869 гг. до н. э.).

20

Пшент – двойная корона египетского царя.

Купити: <https://tellnovel.com/ivan-efremov/puteshestvie-baurdzheda>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)